

Раса Чепайтене

доктор гуманитарных наук, историк культуры, старший научный сотрудник Института Истории Литвы, профессор ЕГУ. Автор или соавтор 8 научных трудов, опубликовала более 100 статей в литовской и зарубежной академической прессе. Специализируется в исследованиях теоретических положений heritage studies и memory studies.

Изменения мемориальной культуры Европейский фактор в исторической политике стран Западной и Центрально-Восточной Европы

Раса Чепайтене

Changes in Memorial Culture The European Factor in the Historical Politics of Western and Central-Eastern European Countries

The article of EHU Professor Dr. Rasa Čepaitene debates historical and memorial politics of Western and Central-Eastern European countries, new members of the European Union since 2004. The author tries to be frank and objective, highlighting the circumstances of the formation and pointing out the shortcomings and internal problems of both different approaches to public history. Dr. Čepaitene draws a rather pessimistic conclusion about impossibility to harmonize them in a modern world. However, it is extremely important to save academic freedoms and possibilities for intellectual exchange.

События 1989–1991 годов – падение Берлинской стены, развал Советского Союза и окончание Холодной войны – стали основой не только для нового геополитического раздела мира, но и для появления в государствах Центрально-Восточной Европы (ЦВЕ) совершенно новой исторической политики (точнее сказать, политик). Главным обоснованием права на независимость стран бывшего «соцлагеря» стали идеи возвращения к национальным истокам, включая открытие запрещенной, скрываемой или искажаемой до того памяти об оккупациях, репрессиях и других преступлениях, совершенных государством против своих же граждан.

Первое десятилетие независимости ознаменовалось в регионе системными попытками избавления от остатков советского символического ландшафта и создания новых, написанных профессиональными историками, версий национальной истории. Параллельно происходило формирование собственной исторической политики. Первоначально радикальная переоценка советского прошлого и запуск юридических и административных механизмов декоммунизации в

странах ЦВЕ рассматривались как возвращение к «нормальному» состоянию развития и как верное средство от рецидивов тоталитаризма. Этот подход активно продвигался как местными элитами, стремящимися побыстрее вступить в ЕС и НАТО, так и самими европейскими институтами. Переписывая свою историю не только в ключе национальной перспективы, но и под нужды европеизации, центрально-восточные европейцы представляли себя как сообщества, исторически и культурно ориентированные на Западную цивилизацию и либеральную демократию, осуществлению которой препятствовали внешние завоеватели, особенно авторитарная Россия, стремящаяся заставить эти народы выбрать тупик исторического пути.

Противоречия между западной и центрально-восточной моделями исторической политики

В 2004 году во время расширения ЕС на Восток десять бывших постсоциалистических и постсоветских государств посчитали своим долгом попытаться разъяснить «старожилам» Евросоюза особенности своего исторического опыта, до того мало известного жителям Западной Европы. Этот опыт был в первую очередь связан со страданиями и потерями, полученными во время долгосрочной зависимости от Москвы. Таким образом, наследие коммунистических времен стало активно использоваться на международном уровне не только для обоснования права на «возвращение в Европу», но и для объяснения «проблем с развитием», а также для консолидации ЕС в борьбе с российским неоимпериализмом.

Между тем продолжающаяся до сих пор борьба с физическими и ментальными остатками эпохи коммунизма внутри самих стран ЦВЕ связана и с решением насущных внутриполитических проблем. Эта борьба активно используется в межпартийной конкуренции,

особенно при дискредитации политических оппонентов путем обвинения их в сотрудничестве с советскими спецслужбами. Разговорами о необходимости преодоления «советского наследия» отвлекают внимание граждан от коррупционных скандалов и социально-экономических последствий сложного перехода от советской к нелиберальной политико-экономической системе.

Резолюция Парламентской ассамблеи Совета Европы (ПАСЕ) от 27 июня 1996 года стала фактически основой для программы декоммунизации нового региона ЕС, в рамках которой были разработаны рекомендации по проведению люстрации, реституции, реабилитации жертв советских репрессий, открытию архивов репрессивных органов и пр. [1]. Однако усилия интеллектуалов и политиков ЦВЕ по привлечению внимания представителей Западной Европы к теме массовых преступлений и социополитических последствий коммунистического режима быстро столкнулись с утвердившейся на Западе моделью исторической политики, опиравшейся на опыт преодоления последствий нацистской диктатуры.

Данная модель сформировалась в ФРГ, где в 1980-х годах были заложены основы для повсеместного внедрения нескольких идеологических постулатов, ставших неоспоримыми и потому распространенными на европейском и глобальном уровнях [2]. Первый из этих постулатов состоит в том, что Холокост является уникальным событием в истории человечества, по своему масштабу и трагичности не сравнимым ни с каким другим случаем этнических чисток или геноцидов прошлого. Согласно второму национал-социалистический период настолько негативно сказался на массовом сознании немцев, что его необходимо переформировать с основ, приняв концепцию постнационализма и того, что известный философ Ю. Хабермас назвал «конституционным патриотизмом». Он призывал отказаться от этнических категорий, от поддержки любого

проявления национализма, прямо отождествляемого с нацизмом, и опираться на универсальные ценности свободы и демократии.

Таким образом, немецкая модель исторической политики, трактующая преступления нацизма как «абсолютное зло», ставила ценностный акцент на моральном императиве «никогда больше» и на поддержании мира [3, 1]. В начале XXI века эта транснациональная модель памяти распространилась и стала доминировать даже в странах, которые, как США, не были непосредственно связаны с Холокостом.

В 1996 году президент ФРГ Р. Херцог предложил сделать 27 января (день, когда Красная Армия освободила Аушвиц) Днем памяти жертв Холокоста. В том же году он был признан ООН и с тех пор отмечается на международном уровне. В итоге День стал общеевропейской датой памяти, которую вступающие в ЕС страны обязались начиная с 2005 года включить в собственные списки памятных дней.

Образ Холокоста как основы общеевропейской памяти и величайшей трагедии в истории человечества, а также как самой ужасной коллективной жертвы и травмы, закрепленный в международных договорах, мемориальных законах, мемориалах и памятниках, образовательных программах и т. д., приобрел черты неприкосновенного канонизированного нарратива, любые сомнения в постулатах которого должны строго пресекаться, а их авторы наказываться.

Похожая канонизация Победы в Великой Отечественной Войне сложилась в СССР с брежневских времен и была унаследована Россией вместе с некоторыми другими постсоветскими странами. Это событие при В. Путине приобрело статус настоящего культа и легло в основу российской исторической политики.

Можно заметить, что, несмотря на некоторые семантические и коммеморативные различия, современные исторические поли-

тики ЕС и Российской Федерации имеют удивительно много общего. Они разделяют не только трактовку нацизма/фашизма как величайшего зла человечества (тем самым обходя вопрос о преступлениях сталинизма) [4], но и склонность к эмоциональному использованию риторических фигур «высшей степени» – суперлативов. Это позволяет нам говорить о суперлативной исторической политике, исключающей другие возможные перспективы видения прошлого. Тем временем криминальная суть сталинского тоталитаризма – политические преследования, ГУЛАГ, депортации и т. п. – не признаны и не осуждены современным российским государством на официальном уровне как преступные. В лучшем случае отношение к ним остается противоречивым.

Процесс внедрения модели, впоследствии названной космополитической, прежде всего в Германии, а затем и на общеевропейском и глобальном уровнях, неизбежно привел к противоречиям. Сближение западноевропейской и центрально-восточной моделей исторической политики в контексте евроинтеграции отнюдь не было гладким и легким. Объединение Европы, начало которого относится к 1950 году, воспринималось политическими и академическими элитами стран Западной Европы не только как распространение экономических благ и демократических свобод, но и в качестве лекарства от пагубных рецидивов немецкого (а впоследствии и любого другого) национализма. Это, как и склонность замалчивать преступления коммунизма, конечно, было непонятным и неприемлемым для представителей ЦВЕ, именно благодаря возрождению национальной идентичности приблизивших крах советского правления, во время которого национализм тоже считался проявлением нежелательной и враждебной идеологии и строго пресекался. Поэтому они прилагали особые усилия для исправления положения дел в структурах ЕС.

В некоторых случаях им это удалось. Например, резолюция ПАСЕ № 1481, принятая в 2006 году, констатировала, что, к сожалению, «не все случаи краха тоталитарных коммунистических режимов в Центральной и Восточной Европе сопровождались международным расследованием совершенных ими преступлений. Более того, авторы этих преступлений не были осуждены международным сообществом, как это было в случае с ужасными преступлениями национал-социализма (нацизма). Таким образом, понимание ответственности преступлений, совершенных тоталитарными коммунистическими режимами, осталось низким. В некоторых странах коммунистические партии действуют легально, даже если они и не дистанцировались от преступлений, совершенных в прошлом их предшественниками. Ассамблея убеждена, что знание истории является одним из предварительных условий для предотвращения подобных преступлений в будущем» [5]. В резолюции предусматривалось создание «международных организаций» для выявления, исследования и осуждения преступлений. Что еще более важно, она впервые на таком высоком уровне приравнивала нацистские и коммунистические преступления против человечества (это сравнение одной из первых было осуществлено Ханной Арендт в известной работе Истоки тоталитаризма).

Можно предположить, что попытки отождествления преступлений двух тоталитарных диктатур XX века, существовавших на европейском континенте, были основаны на стремлении к более успешной интеграции западной и восточной частей Европы. Предполагалось, что коллективные травмы центрально-восточных европейцев, пережитые во время коммунистического правления, должны быть признаны на общеевропейском уровне и стать частью ее истории. Но в то же время Западная Европа, считая свою модель исторической политики универсальной и верной, стремилась внедрить ее в национальные

нарративы стран ЦВЕ. Таким образом, предусматривалась радикальная трансформация существующей в посткоммунистическом регионе идентичности, основанной на национальных идеях.

Последние делали акцент на национальных потерях, страданиях и жертвах как нацистской, так и советской оккупаций, а также на роли антисоветского сопротивления, национальных героев – борцов за свободу. Особенно этот сюжет был актуален для стран Балтии и Украины, имеющих долгий период антисоветского сопротивления и ярко выраженную память о нем как об интегральной части национальных больших нарративов. Поэтому неслучайно, что в ходе дебатов о принятии общеевропейского закона, криминализирующего отрицание или тривиализацию еврейского геноцида и нацистских преступлений против человечности, состоявшихся в 2007 году в Европейском парламенте, представители стран Балтии предложили включить в него и пункт об аналогичной криминализации отрицания преступлений коммунистических режимов. Но это предложение не получило широкой поддержки [6, 231].

Попытки официального приравнивания нацистского и коммунистического режимов

В 2008 году около 40 политиков, общественных деятелей, исследователей истории и юристов, в основном из стран ЦВЕ, подготовили коллективный текст под названием «Преступления, совершенные тоталитарными режимами» [7], ставший основой для попыток дальнейшего выравнивания оценки двух тоталитарных систем. Он помог и в подготовке текста Пражской декларации о европейской совести и коммунизме 2008 года [8], в котором обращалось внимание на то, что Европа до сих пор слишком мало знает о преступлениях, совершенных коммунистическими режимами, не понимает их масштаб и последствия, что в итоге стано-

вится причиной определенных недоразумений и искажений в европейской политике памяти. Подписанты Пражской декларации требовали достичь общеевропейского соглашения, согласно которому нацистский и коммунистический тоталитарные режимы должны оцениваться одинаково негативно, а совершенные ими истребления невинных жителей и депортации целых народов и групп населения следует трактовать как преступления против человечности.

Пожалуй, самым важным достижением Пражской декларации стало то, что на ее основе на саммите премьер-министров Вышеградской группы в 2011 году в Праге ради «поддержки сотрудничества между национальными научно-исследовательскими институтами, специализирующимися в исследованиях истории тоталитаризма» была создана Европейская платформа памяти и совести. На середину 2021 года Платформа представляет собой сеть из 68 государственных и неправительственных организаций (63 члена и 5 кандидатов) из 23-х европейских и североамериканских стран.

Организация занимается в основном образовательной деятельностью, а также пытается создать международный судебный орган, специализирующийся на выявлении коммунистических преступлений и преследовании их исполнителей. Однако эти усилия пока не увенчались успехом. Тем временем, некоторые положения Декларации и Платформы, особенно приравнивающие коммунистические преступления к нацистским, вызвали возмущение и протест как со стороны России, так и в среде влиятельных еврейских организаций. Последние обвинили авторов Декларации в содействии идее «двойного геноцида» [9]. Например, представители Центра Симона Визенталя восприняли предложенную на общеевропейском уровне в качестве Дня памяти жертв коммунистических режимов дату подписания договора Молотова-Риббентропа 23 августа как попытку замены Дня памяти жертв Холокоста. После обвинений в зату-

шевывании Холокоста и поддержке теории «двойного геноцида» [10] Музей жертв геноцида в Вильнюсе в 2018 году вынужден был поменять название на Музей оккупации и борьбы за свободу (в экспозиции под «геноцидом» имелись в виду сталинские репрессии против жителей Литвы, что часто вводило в заблуждение его посетителей из других стран).

Таким образом, из-за массивного сопротивления программа уравнивания нацистских и советских преступлений приостановилась. Она перешла в ритуальные празднования памятных дат, международные политические и академические мероприятия, подписание новых деклараций, которые, к сожалению, мало способствуют практическим действиям. Тем не менее, деятельность Платформы можно рассматривать положительно. Ее появление узаконило саму идею приравнивания коммунизма к нацизму на уровне ЕС и позволило странам ЦВЕ представлять себя «двойными» жертвами тоталитарных режимов, на основании чего можно объяснить их социально-экономическую отсталость и трудности в евроинтеграции.

Такое амбивалентное положение привело к накоплению обид вследствие непризнания специфики опыта обществ ЦВЕ и к жалобам на использование двойных стандартов в разной интерпретации и оценке событий, связанных с памятью Второй мировой войны. Западные державы сначала оставили страны ЦВЕ на произвол Гитлеру, а затем Сталину, так и не признав в этом своей вины. Но теперь они охотно берутся за роль праведников и учат «правильному восприятию истории», игнорируя тем самым особенности наследия и ментальности посткоммунистических стран. Это особо заметно в попытках, опираясь на западные стандарты, обвинять эти страны или некоторых их политических деятелей в сотрудничестве с нацистами, т. е. в совершении прямых или косвенных геноцидальных преступлений против местного еврейского

Инсталляция «Пляж», появившаяся на Лукишской площади в Вильнюсе летом 2020 года
 Фото Ernesta Čičiurkaitė

населения, даже не имея на то четких обоснований. Наверное, самый известный пример – так называемые «польские концлагеря», термин, который стал активно использоваться как влиятельными еврейскими деятелями из Израиля и США, так и немецкими организациями или публичными интеллектуалами, заинтересованными в том, чтобы разделить коллективную вину. Это даже заставило официальную Варшаву ужесточить свои правовые нормы по отношению к такого рода интерпретации событий Второй мировой войны.

В то же время путинской пропагандой активно создается гнусный образ «бандеровцев-фашистов» как в отношении антисоветских борцов из ОУН-УПА, так и защитников Украины от российской агрессии в Донбассе. Параллельно ему возродились известные еще с советских времен пропагандистские клише о «прибалтийских фашистах» – пособниках гитлеровцев, о которых Россия часто напоминает в контексте отрицания факта оккупации стран Балтии, пытаясь очернить их репутацию в ЕС как якобы «профашистских», защищающих своих преступников, государств.

Примеры конфликтов в Литве

Хотя подобные случаи обвинений бывали и раньше, последовательное усиление этой тенденции в Литве стало заметнее с 2016 года, когда возникла дискуссия вокруг книги Руты Ванагайте Наши. После ее публичных заявлений о том, что один из основных вождей антисоветского подполья Адольфас Раманаускас-Ванагас, зверски замученный НКВД, якобы причастен к Холокосту, а также был завербован советскими спецслужбами (что вызвало бурную общественную реакцию), участились обвинения не только против самого Литовского государства, но и против некоторых политических деятелей – организаторов Июньского восстания 1941 года, а также известных представителей

антисоветского подполья. Эти обвинения, часто завуалированные под «вопросы» или «сомнения», предъявляются разными еврейскими организациями из Литвы, Израиля или США и часто подхватываются не только российским режимом, но и либеральной антипутинской интеллигенцией и некоторыми литовскими либеральными политиками и публичными интеллектуалами, такими как поэт Томас Венцлова или драматург Марюс Ивашкявичюс.

Волна обвинений, в основном оперативно опровергаемых историками, являющимися специалистами в данном вопросе, особо усилилась в 2018 году, объявленном литовским парламентом годом А. Раманаускаса-Ванагаса. В том же году были найдены и с государственными почестями перезахоронены его останки. Археологам и историкам из Центра исследования геноцида и резистенции жителей Литвы (ЦИГРЖЛ) удалось найти и другие могилы борцов сопротивления, публичные похороны которых не могли не вызвать недовольство со стороны России.

Самым громким случаем кампании по дискредитации национальных героев можно назвать историю с манипуляциями вокруг мемориальной доски на здании Библиотеки Академии Наук в Вильнюсе, открытой в 1996 году в честь офицера межвоенной литовской армии Йонаса Норейки (в антисоветском подполье носившем конспиративное имя Generolas Vėtra / Генерал Шторм) [11]. Он являлся членом как антинацистского (за что был арестован и отправлен в концлагерь Штутхоф), так и антисоветского вооруженного подполья (из-за чего был расстрелян в 1947 году). Ему предъявляются обвинения в организации нескольких гетто, поскольку в начале войны Временным правительством повстанцев, стремящимся воссоздать независимую Литовскую Республику, он был назначен на должность начальника Шяуляйского административного округа, в скором времени перешедшего под контроль немцев.

Мнение профессиональных историков и общественности в этом вопросе разделилось. Одни даже считают Норейку откровенным нацистом, помимо оказания помощи в основании гетто якобы собственноручно совершавшим экзекуции над еврейскими детьми. Другие находят доказательства того, что он, наоборот, был организатором подпольной сети по спасению евреев, а служба немцам была его прикрытием.

В эти историографические споры вмешались и политики, в частности, мэр Вильнюса, тайным приказом которого мемориальная доска была снята ночью в начале 2019 года. Это действие вызвало волну возмущения со стороны патриотически настроенных граждан, среди которых были и организации ветеранов антисоветского подполья, и известные диссиденты. Был проведен целый ряд акций протеста. В итоге на место снятой появилась новая доска.

Опыт литовских «культурных войн» последнего времени показывает, что публичные дебаты часто сопровождаются манипуляция-

ми общественным мнением и даже откровенной ложью, а принимающие в них участие общественные деятели в своей аргументации не стесняются опираться на анахронизмы и применять двойные стандарты, игнорируя или своеобразно интерпретируя одни исторические факты и заостряя важность других. Оказалось, что расширяя поле ответственности за Холокост (в отношении не только лиц, участвовавших в убийствах, но и людей, имевших косвенные отношения к этим событиям), обвинители тем самым избегают вопроса об аналогичной ответственности советских репрессивных структур и их сотрудников. Таким образом, эти дискуссии показали, что космополитическая и националистическая модели исторической политики, по крайней мере в Литве, имеют взаимоисключающие цели и опираются на разные трактовки прошлого, что подпитывает ценностный конфликт и очень затрудняет поиск общественного консенсуса.

Заключение

В заключение можно отметить, что нынешняя историческая политика ЕС отличается двумя основными особенностями. Речь идет о повороте в сторону криминализации и виктимизации прошлого, т. е. о восприятии истории как цепочки преступлений и страданий, и о желании сообществ отождествлять себя с жертвами. Такое отношение связано с общеевропейской политикой коммеморации памяти Холокоста, практики которой часто заимствуются и приспосабливаются для увековечивания иных трагических событий – ГУЛАГа, других геноцидов и пр. Эти практики и заимствования создают важную матрицу современного восприятия прошлого – склонность к его трактовке и регламентации через призму юридических процедур или затвердевших и несменяемых интерпретаций, посредством которых накладывается запрет на распространение нежелательных идей, символов и политических движений. Нюрнбергский процесс, в ходе которого Международным военным трибуналом нацизм был признан и осужден в качестве преступной античеловеческой идеологии, приведшей к чрезвычайно серьезным преступлениям против человечности, стал поворотным моментом криминализации исторической политики [12].

Тем временем, опыт оккупаций и репрессий XX века сделал страны ЦВЕ чрезвычайно чувствительными к вопросу коллективной безопасности и сохранения национальной идентичности в контексте нивелирующей глобализации. Этому способствуют исторические большие нарративы, рассказывающие не только о жертвах, но и о героях – борцах за свободу. Поэтому принимаемые в этих странах мемориальные законы служат не только способом восстановления исторической справедливости, но и стратегическим элементом укрепления государственности и социальной стабильности. В начале XXI века этот фактор остается актуальным и даже усиливается, поскольку государства региона считают угрозой потери независимости актуальной.

Подобные страхи особенно характерны для стран Балтии и Украины. В Латвии и Литве принят ряд законов, осуждающих тоталитаризм и его пособников, запрещающих символику обоих тоталитарных режимов и криминализирующих отрицание совершенных ими преступлений. Похожим образом Украина, реагируя на повышение уровня агрессии со стороны России, приняла в 2015 году корпус антикоммунистических законов, что стало частью программы комплексной декommунизации страны.

Всем этим общественные дискуссии и юридические основания исторической политики стран ЦВЕ отличаются от аналогичных мемориальных законов и публичных дебатов старожилов ЕС, стремящихся прежде всего подчеркнуть вину и ответственность самих западных сообществ перед другими, когда-то ими захваченными и безжалостно эксплуатированными народами или социальными группами (это не только преступность Холокоста, но и моральное пятно колониализма, расизма, сексизма и гомофобии), что не всегда понятно и актуально для центрально-восточных европейцев.

Хотя некоторое время казалось, что модель политики восточных европейцев, ориентированная на страдания и борьбу своего народа и экзистенциальные угрозы, пережитые во время коммунистического режима, возобладает над западноевропейской моделью, ориентированной на признание собственной вины и коллективное покаяние, так не случилось. Усилия депутатов Европейского парламента из стран ЦВЕ добиться общеевропейского запрета на коммунистическую символику по аналогии с нацистской были отвергнуты дважды, в 2005 и в 2013 годах. Попытка принять Положение о наказаниях за отрицание или тривиализацию коммунистических преступлений также провалилась.

Таким образом, кратко представленные выше космополитические тенденции в сфере политики прошлого все сильнее распространяются на весь Европейский Союз. Но эта ситуация вызывает и ответную реакцию – поиск

«собственных» геноцидов (Украина, Казахстан) и «конкуренцию жертв».

Данные наднациональные тенденции политики прошлого вызывают вопросы и сомнения и другого порядка. Политики критикуют возрастающие ограничения свободы слова. Профессиональные историки опасаются, что склонность к юридическому урегулированию вопросов истории приведет к запрету на определенные исследовательские темы или интерпретации. Публичные интеллектуалы беспокоятся о растущей тенденции ретроспективной морализации истории. Укрепляется чувство раздражения по поводу того, что виктимизация и криминализация истории зашли слишком далеко.

Выявление пласта памяти пострадавших, обездоленных и униженных групп прошлого в европейском сообществе изначально сыграло положительную роль, но сейчас оно становится инструментом разного рода политических или идеологических манипуляций, массовой пропаганды, а также претекстом для ограничений свободы слова и даже введения цензуры. Другими словами, происходит инструментализация прошлого. Такое положение вещей повышает риск оставить в стороне универсальные ценности свободы и демократии, на которых и строилась Европейская цивилизация, уже не говоря о последствиях ограничений свободных академических исследований прошлого.

Использованная литература

- [1] Measures to dismantle the heritage of former communist totalitarian systems. Council of Europe Parliamentary Assembly Resolution No. 1096 (1996) // <http://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-XML2HTML-en.asp?fileid=16507> (12.10.2021).
- [2] Бергер Ш., Историческая политика и национал-социалистическое прошлое Германии 1949–1982 гг. // Историческая политика в XXI веке (ред. А. Миллер и М. Липман). Москва: НЛО, 2012. С. 33–60.
- [3] Assmann A., Shortt L. (eds.) *Memory and Political Change*. Palgrave Macmillan, 2012. 223 p.
- [4] Kuposov N. *Defending Stalinism by means of criminal law: Russia, 1995–2014* // *Law and memory: Towards legal governance of history* (ed. Belavusau U., Gliszczynska-Grabias A.). Cambridge: Cambridge University Press, 2017. P. 293–309.
- [5] Need for international condemnation of crimes of totalitarian communist regimes. Council of Europe Parliamentary Assembly Resolution No. 1481 (2006) // <https://pace.coe.int/en/files/17403/html> (12.10.2021).
- [6] Rees A. *Managing the History of the Past in the Former Communist States* // *A European Memory? Contested Histories and Politics of Remembrance* (ed. Pakier M., Strath V.). Berghahn Books, 2010. P. 219–232.
- [7] *Crimes Committed by Totalitarian Regimes. Reports and Proceedings of the 8 April European Public Hearing organized by the Slovenian Presidency of the Council of the European Union (January-June 2008) and the European Commission* (ed. by P. Jambrek). Ljubljana, 2008. 316 p.
- [8] *Prague Declaration on European Conscience and Communism (2008)* // <https://www.praguedeclaration.eu/> (12.10.2021).
- [9] Cooper A. *Dropping International Holocaust Memorial Day Would Be World's Final Insult To Survivors; Would Spur New Wave of Anti-Semitism* // Simon Wiesenthal Center, <https://www.wiesenthal.com/about/news/dropping-international.html> (12.10.2021).
- [10] Nordland R. *Where the Genocide Museum Is (Mostly) Mum on the Fate of Jews* // *New-York Times*, <https://www.nytimes.com/2018/03/30/world/europe/lithuania-genocide-museum-jews.html> (12.10.2021).
- [11] Čepaitienė R., Škirpos K. J. *Noreikos „byla“ kultūrinį karų kontekste* // Dalius Stancikas, Kūju per Lietuvos istoriją. Vilnius: Valstybingumo studijų centras, 2020. P. 10–39.
- [12] Kuposov N. *Memory laws, memory wars: The politics of the past in Europe and Russia*. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. 321 p.